

Валерий
Михайлов

СВЕТИЛЬНИК

* * *

Ничего такого не случилось.
Сердце, не забило ты сильней.
Может, эта жизнь мне лишь приснилась,
Может, это я приснился ей.

Потихоньку срок я отбываю,
Никуда уже не тороплюсь.
Сон дурной ли, светлый забываю,
Ничему на свете не дивлюсь.

Знаю только, есть над головами
Облако, не видимое нам, –
Помнит оно всё, что было с нами,
Что невольно показалось снами,
Как и то, что не открылось снам.

СПОР

– Зачем ты, безумная, пела
Небес благодать?
Поодаль земного удела
Ни зги не видать.

– Не знаю, зачем и откуда,
Но явственно мне
Соседство незримое чуда
Внутри и вовне.

– То прелести самообмана,
Слепая мечта:
Под флёром цветного тумана
Ничто, пустота.

– Твой ум обольщённый пророчит,
А сам близорук.
Он рыщет везде, где захочет,
Невидимый дух.

АФГАНСКИЕ СКВОРЦЫ

Сначала горлинки исчезли,
С дымком их сизым воркованья,
С таким флейтистым на рассвете
Домашним тёплым говорком.
А следом и дрозды пропали,
В блестящих фраках музыканты,
Певцы весенних, голых веток,
Солисты синих вечеров.
И даже воробьёв не видно...
Умолкли звонкие ватаги,
Весёлые и шепутные,
Неунывающих проныр.
Теперь за окнами лишь скрежет,
Бесцеремонный, наглый, злобный,
Царапающий слух и небо,
Невиданных пернатых тварей...
Их звать – афганские скворцы.
Поналетели... ислеквали...
Похоже, всё и всех, кто прежде
Одушевлял согласным пеньем
Сады, и парки, и дворы.
Вчера воздушные мигранты,
Они хозяйничают шумно –
Завоеватели пространства,
Разбойники исконных гнёзд.
Взлетают с жадным треском стаи,
Желты нацеленные клювы,
Сверкают острые глазёнки
Шальным и яростным огнём.
Людей они в упор не видят,
Заряжены одним стремленьем
К добыче. Глад ненасытимый
Птиц гложет. Жжёт неугасимо
Желание: клевать! клевать!

Крушить и рвать что только можно:
Плоть ягод, и плодов, и зёрен,
Гнездовья, кладки, всё живое,
Врагов крылатых и иных.
И резать ржавым криком воздух,
Покой чужой и ненавистный,
Которому прощенья нету
И быть, конечно, не должно.

* * *

Две девочки циркачки
Взлетели над землёй,
Чтоб на кольце прозрачном
Исполнить номер свой.

Воздушные гимнастки –
Парят, забыв про страх,
Сплетая гибкий танец
Почти что в небесах.

И музыка печали
Летит к ним с высоты,
Как будто бы венчая
Небесные мечты.

– Откуда? – Из Тюмени!.. -
Оттуда не дойти:
К такой приводят сцене
Воздушные пути.

Подростки-малолетки...
Счастливо вам лететь
И чистыми глазами
На дольний мир смотреть!

* * *

Памяти Н. Заболоцкого

– Я просто поэт, да и только,
Что надо им всем от меня?.. –
Недоумённо и горько
Кричал он, кого-то вина.

Он знал лишь одно, что негоже
 Губить его годы и дни,
 Не в силах представить, да кто же,
 Да кто же такие они?

Стакан за стаканом пустели,
 В них тихо плескалось ничто,
 Стаканы в пространство летели,
 О звёзды угрюмо звенели...
 Глаза от вина голубели
 И в дали такие глядели,
 Которых не видел никто.

Громады бескрайней природы,
 Всё дикой земли естество
 И неба разъятые своды
 Давили на сердце его.

Он знал лишь одно, что не может,
 Не может поэтом не быть.
 За что же, за что же, за что же
 Они не дают ему жить?

Он знал, что не надо об этом, –
 Что сердце последнее рвать!.. –
 Но был он всего лишь поэтом.
 Тут нечего больше сказать.

СВЕТИЛЬНИК

Поэма

I

Авгарь, царь эдесский, в расслабе проказы лежит,
 И чёрная немочь шесть лет как томит его душу и тело.
 Неверный огарок свечи в изголовье дрожит, –
 Не жизнь ли его, будто эта свеча, догорела...

Он лекарей суетных и мнимоучёных давно уж прогнал,
 Без толку их зелья и мази, коренья и травы.
 Гнев Божий в проказе своей царь Авгарь увидал,
 Телесные язвы лишь отзыв душевной потравы.

– За что на меня Ты прогневался, праведный Бог,
 И разве вину, коли есть, не искупил я страданьем?

Воззри ж на раба Своего, на беду мою злую, как жалок и плох! –
В бессонной ночи одинокой воззвал он с бессильным рыданьем.

Но небо молчало, сады драгоценные звёзд равнодушно цвели,
До чьих-то мучений и слёз никакого им не было дела;
Луна, словно спелая дыня, безмятежно сияла вдали
И вечную песнь золотую с холодным безстрашием пела.

II

Наутро вельможи-послы, Мар Ихаб с Шамшаграмом, к Авгарю пришли:
– О царь! мы вернулись с добром: благоволит к нам император Востока.
И радость иную – великую! – мы ныне тебе принесли:
Явился Пророк на земли и творит чудеса он воистину волею Бога!

Прикоснётся рукой – и слепой прозревает, к нему возвращается речь;
Прокажённых очищает и даже, поверишь ли, мертвецов воскрешает!..
Но пуше всего тот Пророк занемогших душою желает сберечь –
Молитвенным словом всевластным он нечистых духов изгоняет.

На обратной дороге посетили мы Иерусалим, –
Мольвь повсюду идёт о мессии, и люд чудесам тем дивится, –
Нам взглянуть захотелось на всё это собственным оком своим,
Разувериться в слухах или же в их правоте убедиться.

Хоть не встретился сам, тьма свидетелей... о, как светились глаза
Всех, кто рядом с ним был!.. что за речи лились неподобны!..
– Это Бог или Сын это Божий! – царь Авгарь поражённый сказал, –
Только Они возвращать жизнь покинувших мир сей способны.

Так, заочно, лишь со слуху, первым среди земных царей,
Уверовал Авгарь во Спасителя, что явился в земле Палестине,
И Христа Иисуса повидать возжелал он как можно скорей,
Но, бездвижный, не мог сам идти, чтобы в нём поклониться святыне.

III

Послание Авгаря к Спасителю

«Авгарь, сын Аршама, правитель страны, Иисусу Спасителю шлёт привет.
О тебе, благодетель, прослышал я, о твоём врачевании неподобном.
Говорят про тебя, ты хромым ставишь на ноги, слепым даришь свет,
Исцеляешь страдающих и воскресаешь умерших

прикосновеньем своим Богоугодным.

И народ, что собрался послушать Христа, в изумленье стоял,
Страх Господень неволью почуяв всем сердцем, всей кровью.
А Спаситель, окликнув по имени, Ананию к себе подозвал
И убрис протянул ему: – Вот, Авгарю отдай, да спасётся любовью!

VI

Приложившись к святому убрусу, с ложа хвори поднялся Авгарь,
Благоговейно поклонился он Образу, хотя полностью не излечился, –
На лице след проказы ещё оставался, как встарь,
Ждал правитель, когда же придёт Иисуса Христа ученик, и молился.

Как вознёсся Спаситель, настал Им обещанный день:
Во все стороны мира понесла Его братия ученье Христово,
И Фомой был направлен в Эдессу апостол Фаддей,
Чтоб спасти и царя и народ, проповедуя Слово.

Окрестил он Авгаря – тот по вере своей исцелился совсем,
И вослед за властителем народ покрестился, чуду не переставая дивиться.
И Фаддей, по свершенью сего, на убрусе святом сделал надпись затем:
«Христе Боже, всякий, уповая на Тебя, не постыдится».

VII

А потом повелел царь Авгарь зело украсить икону благодатную ту,
И она пресвятая обрела себе место
над городскими воротами – в каменной нише.
Всяк, кто порог тот переступал, прежде кланялся Спасу Христу,
И всем путникам верилось: само Небо благословляет их, становится ближе.

Чудотворного образа много лет нерушим был покой,
И под окном Христовым люди жили в Эдессе ладом, миром.
Но однажды случилось, что правнук Авгаря заблудился душой –
И убрус чудотворный приказал снять со стены,
чтобы кланялись не Богу – кумирам.

И тогда сам Христос явился эдесскому епископу в тонком сне,
Повелев от проругания немедленно спрятать икону.
Той же ночью священник отправился к воротам и был на стене,
Чтобы верой и правдой послужить Благодати, а не закону.

Помолившись, он пред образом нерукотворённым тихо лампаду зажжёт,
Оградил полукруглую нишу глиняной плитой, а снаружи заложил кирпичами –
И надёжно сокрылся от идолопоклонников Бог,
И светильник молитвенный, если кто и видел, то духовными только очами.

VIII

Пять веков с той поры миновало, много воды утекло...
Позабыли эдессцы давно про убрус, про великую эту святыню.
Никому здесь – даже случайно, на миг – и в голову бы не пришло,
Что всё время лишь образ нерукотворный Христа оберегал их донныне.

Но с войною пришёл в эту землю царь персидский Хозрой,
И сдавило Эдессу громадное войско беспощадною хваткой железной –
Не по силам отбиться, нет надежды на помощь... Что делать с такою бедой,
Осаждённый город не ведал, голодный, холодный, болезный.

И народ возопил о спасении к Богу, раскаявшись, плакал навзрыд.
В сновиденье владыке Евлалию светоносная Дева Мария явилась:
– Над градскими воротами в замурованной нише убрус, вами забытый, сокрыт.
Так достань же его – и спасёт вас от гибели Божия милость.

И епископ с рассветом тот старый схорон отыскал,
Разобрал кирпичи, отодвинул плиту... и – о чудо! – застыл, поражённый:
Пред убрусом лампада горит! – вот, что он увидал,
А на камне на древнем – тот же образ Христа отражённый.

На стене встал священник, распрямился, над миром икону воздел –
И рассыпались персы, гонимые Спасом Нерукотворённым...
Ну, а в нише разобранной так же тихо, как прежде, светильник горел
Перед ликом Христа, на той глиняной, окаменелой плите напечатлённым.

